

силачом в сражении под Полтавой и т.д.).

Но в верноподданничестве казаков, в частности – уральских, все же сохранялись некоторые границы. Это исконные казачьи обычаи, "обыкновение", которые казаки бережно хранили. Казаки готовы служить государю до последней капли крови, "лишь бы только не воротили нас на солдатский шкиль, да не нудили насчет креста и бороды".

Н.А.МИНЕНКО (Екатеринбург)

КАЗАЧЕСТВО ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И МОНАРХИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ХУШ – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1. Одним из важнейших вопросов истории казачества Урала и Сибири ХУШ–первой половины XIX в. является проблема его взаимоотношений с верховной властью. Решение последней включает, в частности, исследование представлений казаков о государе, принципах монархической власти, собственном месте в структуре монархического государства. В исторической литературе присутствуют оценки противоположного содержания: с одной стороны, казаки характеризуются как "царисты", "карательный резерв" российского монарха, верные слуги верховной власти, с другой – как застрельщики антиправительственного протеста, гражданских войн, борцы с абсолютизмом. При этом прослеживается тенденция дифференцировать вольных в прошлом уральских (яицких) казаков и служилого казачества Сибири, Оренбургского войска. А.И. Андрущенко, например, утверждает, что поскольку "оренбургское казачье войско возникло "по высочайшему указу" из переведенных из Самары, Уфы и других городов казаков и других групп населения, несших обязанности по охране границ", оренбуржцы были "лишь по названию казаками", а по сути – "военнообязанными царского правительства людьми"¹.

2. Источники свидетельствуют, что к ХУШ в. не существовало принципиальных отличий в отношении к монархической власти у казачества Урала (в том числе яицкого) и Сибири. Государь воспринимался как глава всего народа, отец подданных, олицетворение независимости и мощи государя, слуга народа.

отождествлялась со службой Отечеству. Вера в царя была неотделима от веры в Бога; кого "хочет Бог, того и избирает на царство". Бог может "извергнуть" с престола "помазанного на царство" ("как и в древних родах учиняемо бывало"). Вместе с тем казаками признавалась роль закона о престолонаследии. В одном из документов пугачевской Войсковой канцелярии яицких казаков, посланном сослуживцам, отказывающимся "предаться" "Петру Ш", с целью "указания" последних, говорилось: "Разумеете же, безумнии в людех, и буи некогда умудряетесь: егда наша государыня императрица Елисавет Петровна отиде на вечное блаженство, всему нашему государству известно, что соизволила скипетр Российского государства вручить природному наследнику великому нашему государю императору Петру Феодоровичу, а все государство наследному своему монарху присягало. И вы не причастны ли к той же были присяге?"².

3. Своей обязанностью казаки считали служить государю, "не щадя живота своего до последней капли крови", во всем ему повиноваться, хранить верность. Службу следовало нести "доколе в силах". Свой долг казак считал выполненным до конца, если мог передать эстафету сыновьям. "Пора уважить старику, послужил государю своему довольно и поставил за себя двух казаков Вакка и Евпла", - с удовлетворением замечал герой очерка В.И.Даля "Уральский казак" Маркиан Подгорнов³.

4. Не только принесенная присяга ставила казака и монарха в отношения верноподданого слуги и господина-государя, но и заветы и дела "предков" - отцов и дедов. Эта ссылка на "государевы службы" отцов и дедов постоянно присутствует в сибирских казачьих челобитных. В именном указе "Петра Ш"-Пугачева Яицкому войску от 17 сентября 1773 г. говорилось: "... как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови: дяды и отцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федаравичу"⁴. У яицких казаков сохранялась память о договоре, когда-то заключенном их вольными предкам с царем Михаилом Федоровичем - они решили "послать от себя к его величеству... объявить о себе и просить, дабы он, великий государь, их, казаков, милостиво принял под царскую свою державу, обещаясь служить ему, великому государю, и наследникам его", и царь их просьбу уважил и "на реку Яик пожаловал им грамоту с тем, чтобы они, живя тут, великому государю служили верно". Кроме Яика ("от вершин той реки до устья"), по убеждению казаков, их предки получили

другие привилегии и права и, в частности, право самостоятельно решать внутренние дела, выбирать на крутах атаманов и старшин и пр. Идеалом государственного устройства для яицких казаков было сочетание самодержавия с широким местным самоуправлением.

5. Ограничение казачьих вольностей и привилегий, введение нового порядка службы, нарушение казачьей монополии на отведенные прежде войску угодья рассматривались на Яике как отступления верховной власти от договора, приводили к волнениям. Эти волнения, открытые выступления нельзя сводить к социальному протесту. Оставаясь монархистами, казаки пошли, например, за Пугачевым, потому что верили в истинность "Петра III" ("не казаки создали самозванца, а самозванец оболостил их", - утверждал И.И. Железнов) и потому, что он обещал восстановить в полной силе договор начала ХУП в. И документы, и записи фольклора рассматриваемого времени, и свидетельства современников убеждают в том, что яицкие казаки в 70-х гг. ХУШ в. покорились не бунтовщику, а законному государю. "Замечательно, что у нас на Урале, - говорил И.И. Железнов (1824-1863 гг.), - до сих пор народ считает Пугачева истым Петром III..."⁵. "Ну, что, - сказал я: - чай рады дорогому гостю, государю наследнику? - вспоминал В.И. Даль свою беседу со старухой-казачкой (Мухраковская станица) во время посещения Уральского войска в 1837 г. наследником российского престола, будущим Александром II. - Помилуй, как не рады? - отвечала та: - ведь мы тут - легко ли дело, царского племени не видывали от самого от государя Петра Федоровича"⁶. "Петр III" в преданиях уральцев предстает как талантливый полководец, смелый воин, величественный и, вместе с тем, милостивый монарх; эти предания, безусловно, отражали подлинные представления казаков об облике государя, его качествах. Г.Н. Потанин писал об уральских казаках, как "подкупленной царской массой" (его, например, поразил существующий и в XIX в. на Урале обычай часть выловленной во время багренья красной рыбы и икры отправлять в "презент" царскому двору - казаки этот подарок называли также "царским куском"). Показательно, однако, его признание, что сам он, молодой сибирский казак, до встречи со ссыльным петрашевцем Дуровым был приверженцем монархизма. "В Усть-Каменогорске, - вспоминал он, - я узнал из газет о смерти императора Николая. Это вызвало во мне такое отчаяние,

что я заплакал"⁷. Увлеченность Николаем I (да и другими российскими государями), по словам Потанина, разделяли все его товарищи по Омскому кадетскому корпусу.

6. Антимонархические настроения были присущи лишь некоторым радикалам из числа приверженцев "старой веры". Интересный анализ материалов, относящихся к выступлению раскольников из Усть-Уйской станицы Оренбургского казачьего войска Трегубовых, Крылова и Яковлева, предпринял Н.Н.Покровский. Раскольников судили "за дерзкое отречение от службы царской" (1854 г.); свой поступок они объясняли тем, что царь "не внял истины от предания святых апостолов и принял трехперстное сложение креста и бранобротие"⁸. Однако основная масса казаков-старообрядцев (а их было немало) оставалась на монархических позициях.

1. Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С.107.

2. Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773-1774 гг. М., 1975. С.105.

3. Даль В.И. Уральский казак //наши, списанные с натуры русский. СПб., 1841. С.174.

4. документы ставки... С.23.

5. Щербанов Н.М. Фольклорные и этнографические интересы И.И.Железнова //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Вып. УШ. С.28.

6. Пушкин в воспоминаниях современников. Л., 1950. С.459.

7. Потанин Г.Н. Воспоминания //Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т.6. С.69, 120.

8. Покровский Н.Н. Биография оренбургского казака. Статья первая //Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С.104-105.